ГОРСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Проф. М Я. НЕМИРОВСКИЙ.

Некоторые явления Чеченско-Дагестанских языков в свете общей лингвистики

EINIGE ERSCHEINUNGEN
DER TSCHETSCHENO-DAGHESTANISCHEN SPRACHEN
IM LICHTE DER ALLGEMEINEN SPRACHWISSENSCHAFT

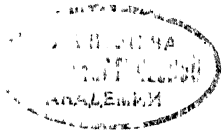
von.

Prof. Dr. M. J. NEMIROVSKIJ.

ВЛАДИКАВКАЗ
1930

Напечатано по распоряжению Дирекции Горского Педагогического Института
ДИРЕКЦИЯ.

Под редакцией Б. Алборова, В. Васильева, Л. Креера,
Б. Скитского и С. Турова.



1193
31

г. Владикавказ, Иингтипография из-ва „СЕРДАЛО". Окрлито № 18. Тир 200 экз.

Проф. М. Я. Немировский.

НЕКОТОРЫЕ ЯВЛЕНИЯ ЧЕЧЕНСКО-ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКОВ В СВЕТЕ ОБЩЕЙ ЛИНГВИСТИКИ.

I.

ЧЕЧЕНСКАЯ ГРУППА ЯЗЫКОВ.

Сходство формы родительного падежа имен существительных, форм прилагательного и р п местоимений личных (возвратных и указательных) Употребление р п сущ в качестве прилагательных и р. п. местоимений личных (возвр и указат) в качесіве притяжательных,

В чеченско-дагестанских языках обращают на себя внимание два параллельно наблюдаемых ряда фактов: один из этих рядов обнаруживает сходство формы родительного падежа существительных с формой прилагательных и родит. г.. личных, реже возвратных и указательных местоимений, другой ряд показывает употребление присубстантивного родит. п. сущ. в качестве прилагательного и р. п. личных (возвратных и указательных) местоимений в качестве притяжательных.

Рассмотрим указанные факты сперва в чеченской группе языков.

В чеченском языке[1]) р. п. ед. ч. всегда оканчивается ŋ с предшествующим гласным или дифтонгом (a, i, e, u, uo) [2]), например gaur [3]) лошадь, р. п. gauran, amal, нрав, р. п. amələŋ, xi, вода, река, р. п. xiŋ, da, отец, р. п. deŋ, ghaž. палка р. п. ghožuŋ, dešıj, золото, р. п. dəšuoŋ.

---

[1]) См П. К. Услар, Чеченский язык (Этнография Кавказа. Языкознание. II, Тифлис 1888), стр 16—42. См. также A Dirr, Einfuhrung in das Studium der Kaukasischen Sprachen, Leipzig 1928. стр. 131—135 и 355—356. А. Шифнер, Чеченские этюды. (Приложение к указ. соч Услара)

[2]) А. Дирр (ук. м) усматривает здесь назалированные гласные

[3]) u здесь неслоговое.

Во множ. числе р. п. также оказывается на ŋ с предшествующим j (i), напр., amələjŋ, dəjŋ и т. д. [1]).

Прилагательные также оканчиваются большей частью на ŋ, напр.:

jeziŋ [2]) (с классными показателями—veziŋ, beziŋ, deziŋ) тяжелый, дорогой,
jeqhiŋ „ „ „ —veqhiŋ, beqhiŋ, deqhiŋ), сухой,
joqquŋ „ „ „ —voqquŋ, boqquŋ, doqquŋ), большой,

в качестве определения, в аттрибутивной роли, напр., xazaŋ gaur красивая лошадь, saŋ dikiŋ vaša мой добрый брат, во мн. ч. dikiŋ, vežirij добрые братья, san dikiŋ vezirij мои добрые братья.

Более интересны для нас такие случаи, где родит. п. существительного превращается в настоящее прилагательное, напр., berziŋ buolar волка походка или волчья походка, zudariŋn bedir женское платье, stien (от stie жена, женщина), женский, самка stien buorz, волчица, stien qoqu, голубка, buersən, мужской, самец, buersəŋ bad, селезень, bueršəŋ cicig, кот, Noxčiŋ muott, чеченский язык, Noxčiŋ muoxk, Чечня, (собственно Чеченская страна [3]).

Местоимения притяжательные представляют собою не что иное, как: 1) род. п. личных местоимений: seŋ, мой (меня), xəŋ, твой (тебя), cuniŋ, его, ее, txən, vəjŋ, наш (нас) [4]), šun, ваш (вас), ceerin, cerin, их; 2) р. п. возвратных местоимений; səjn, мой xəjŋ, твой, šien его, ее, txešiŋ, vešiŋ, наш [5]), šešin или šəjn, ваш, их [6]). И здесь всюду окончанием служит ŋ.

Соответствующие факты мы находим и в ингушском языке, который является, как известно, диалектом, чеченского языка. Здесь р. п. ед. ч. сохраняет n лишь в т. н. „втором полном" склонении, напр.

---

[1]) Р п мн. ч. образуется из именительного п, при чем окончание последнего š изменяется на jŋ, если же им. п. мн ч. оканчивается на j, то просто присоединяется это ŋ Буква j обозначает здесь и в других примерах множественного числа i неслоговое

[2]) В качестве классного признака j обозначает букву (и звук) иот.

[3]) Большая часть примеров взята нами из „Чеченского языка" П К. Услара (стр 40—42)

[4]) Для 1 лица множ ч. существует две формы личных местоимений: 1). txuo эксклузивная форма (т е. „мы" исключает или не включает того или тех, которым говорят) и 2 vəj—инклузивная форма (т. е. „мы" включает всех). Поэтому и для род п, как и для прочих, существует две формы.

[5]) Две формы—первая эксклузивная, вторая инклузивная.

[6]) Для 3 лица множ. ч. возвратного местоимения употребляются те же формы, что и для 2-го.

serdalo, свет, р. п. serdalon, qetače, собрание, р. п. qetačen, kij, шапка р. п. kijn, cha, дом, р. п. chen [1]).

В качестве прилагательного функционируют р. п. имен существительных, с окончанием n, в словах: chen от (cha—дом), домашний, loaman (от loam—гора), горный, горский, lättan (от latta—земля) земельный, аграрный [2]), с окончанием ņ в dāņ отчий [3]). Так как в склонении существительных р. п. е. ч. оканчиваются большей частью на ə [4]), то и прилагательные чаще всего обнаруживают то же окончание (haržə, черный, mejrə, храбрый, loxə, низкий и т. д.); поэтому мы встречаем; gourə kortə, конская голова. jurtə kəsəməs, сельское кладбище, dä cha, отчий дом и т. п. [5]).

Местоимения притяжательные являются в форме р. п. личных местоимений (sy, мой, xy твой, cun, его, ее, txy vej, наш šun, ваш, car, их [6]) и возвратных (sej, мой, xəj, твой, šij, его, ее, voaj, txoaj, наш, šoaj, ваш, их [7]).

Ту же картину представляет третий язык чеченской группы, называемый обычно, тушинским (цова-тушинским) правильнее бацбийский.

Родит. п. ед. ч. существительных имеет окончание (in, en), „которое часто сводится к канализации предшествующего гласного, но при благоприятном положении опять делается вполне ясно слышимым [8]).

Так, от dok, сердце, р. п. dakın, nan, мать, р. п. nanen, 'dad, отец, р. п. dade (n), vašo, брат, р. п. vaše (n), и т. п. [9]).

Прилагательные большей частью оканчиваются на гласную, часто назалированную, напр. vakho (n), jakho (n), bakho (n), dakho (n), с классными показателями), большой, vaxe (n), jaxe (n), baxe (n), daxe (n), длинный, vacu (n), jacu (n), bacu (n), dacu (n), короткий [10]).

---

[1]) Примеры взяты из Ингушской грамматики З Мальсагова (стр. 34 слл) Владикавказ 1925, но написаны по орфографии, применяемой И. Мальсаговым в его „Русско-ингушском словаре, Владикавказ 1929.

[2]) См З. Мальсагов, Ингушская грамматика, стр. 44.

[3]) Z Malsægæ n, Ghalghaj Grammatık, 1926, стр. 18.

[4]) Ук соч. стр. 27—31, 37, 40 и друг

[5]) См. З. Мальсагов, ук. соч, стр. 44. В конце слышна легкая назализация, как в чеченском.

[6]) Ук соч. стр. 52 слл. Ср. Z Malsægæ n., Ghalghaj Grammatık, стр. 25, væjņ, txyņ.

[7]) Ук. соч. стр. 53 сл Ср. Ghalghaj Grammatık стр. 25: sejņ, xæjņ, šijn, voajn txoajņ, šoajn.

[8]) А. Дирр, ук. соч стр 150.

[9]) Буква n в скобках означает назализацию предшествующего гласного.

[10]) А. Дирр, ук. соч. стр 153.

Притяжательные местоимения представляют собой р. п. личных местоимений se (п), soı (п), мой, he (п), haı (п), твой, okxu, oxkuı (п), его, vai (п), txe (п), наш, šu (п), ваш, okxrı (п) их [1])

Следует отметить еще два момента: 1) во всех языках чеченской группы присубстантивный р п, прилагательное в качестве определения и притяжательное местоимение в той же атрибутивной роли ставятся всегда перед определяемым,, 2) присубстантивный р. п. в роли прилагательного сохраняет свою форму неизменяемой, как и р. п. местоимений в роли притяжательных. Прилагаемая таблица (см. таблицу I) наглядно изображает перечисленные факты, имеющие место в языках чеченской группы.

[1]) А Дирр, ук. соч, стр 155. Кх—означает здесь глубоко-велярный аффрикат с сильным придыханием, по акустическому эффекту близкий к обозначаемому сочетанию звуков (См. А. Дирр, ук соч. стр. 31).

ТАБЛИЦА I.

Чеченская группа языков	Морфолог. строение			Синтакс функция		
Название языка	Образование р. п. имен существ.	Образование прилаг	Образование р. п личных, возвр и указат. м	Употребление р п. сущ. в кач. прилаг	Употребление в кач. притяжат. местоим	Постановка прилаг. или р. п. примен. и притяжательн. местоим.
Чеченский	Аффикс ŋ с предшеств гласн.	Оконч. ŋ с предшеств гласным господствует	Окончание на n с предш. гласн	В ряде пример. (в неизменяемой форме)	Р. п личных и возвр м. употр. и в кач притяжат.	Перед определяемым
Ингушский	Оконч. n во втором полном склонении, в прочих a (æ)	Некот. прилаг. на n, ŋ, в прочих a	Оконч. n (ŋ) в некоторых личн. и возвр. м	В ряде пример (в неизменяемой форме).	Р, п. личных и возвр м. в кач. притяжат	Перед определяемым
Бацбийский	Оконч. n или назалированный гласный	Оконч. назализованным глас	Оконч. назализованным гласным		Р. п личных м. в кач. притяжат	Перед определяемым

II.

ДАГЕСТАНСКИЕ ЯЗЫКИ.

Родит п существ, прилагательные и местоимения в юговосточной группе дагестанских языков, в рутульском, цахурском, кюринском, агульском и табассаранском Род. п сущ, прилагательные и местоимения в языках центрально-дагестанской группы в арчинском и лакском

Весьма многочисленные дагестанские (лезгинские)[1]) языки не обнаруживают по отношению к рассматриваемым нами языковым фактам такого полного единообразия, каким отличается небольшая чеченская группа, однако, и в дагестанских языках эти факты повторяются и обнаруживают известный параллелизм.

Особенно показательны в этом отношении языки рутульский и цахурский в юговосточной группе дагестанских языков, хюркилинский в северовосточной, андийский в западной.

К рассмотрению интересующих нас фактов в дагестанских языках мы теперь и обратимся.

Начнем наш обзор с юговосточной группы, дающей наиболее ценный и богатый подбор соответствующих языковых фактов.

В рутульском языке родительный п. существительных образуется при помощи окончания—dy (—ty)[2]),—d, которое является характерным для прилагательных, от каких бы частей речи эти прилагательные не производились (напр. gaš, голод, gästy, голодный, qib, скоро, qibdy, скорый midi, здесь, midid, здешний)[3]). То же окончание имеют р, п. личных местоимений (jizdy, udy), функционирующих также в качестве притяжательных.[4] Ад'ективный характер р. п. особенно ярко проявляется в следующих примерах: nindykxa jizdy dafthar jyxa i „материнская чем моя книга - лучше есть—моя книга лучше, чем материнская (книга матери");[5]) ha

---

[1]) Лезгинскими называет эти языки A Dirr, Einfuhrung. стр. IX, 162 и passim О классификации кавказских языков вообще, дагестанских в частности См. мою книгу „Из прошлого и настоящего кавказской лингвистики", Владикавказ 1928 (и в „Известиях Ингушского Научно-Исслед Инст Краеведения, Том I), стр 8 слл

[2]) Буква у означает здесь и в дальнейшем звук, близкий русскому ы, средне-небный Ср ингушское yz, sy.

[3]) См А. Дирр, Рутульский язык (Сборник матер. для опис местн. и племен Кавказа, цитирую далее сокращенно СбМ.. вып. 42, Тифлис 1912) стр. 6 сл. 28 слл. A. Dirr, Einfuhrung, стр 305, 308.

[4]) См А Дирр, ук соч, стр. 46 сл. Einfuhrung стр. 310 сл.

[5]) См А Дирр, ук соч, стр. 7 примеч Ср стр 32 сл. Einfuhrung, стр. 354 от nin, мать, р п nindy+kxa суффикс компаратива.

mithimbur haldebur i? rišidbur i „эти вещи чьи есть?—сестрины есть“[1]) wughlästy walygmar, мужское платье в противоположность wughlid w. мужа платье (т. е. платье мужа), qapiad walygmar жены платье, hylasty w.—женское платье[2]).

Еще более интересные фа́кты обнаруживаются в цахурском языке. Р. п. существительных не только образуется при посредстве тех самых окончаний—na и—n (с предшествующим гласным), которые являются суффиксами прилагательных[3]), от какой бы части речи они не производились (напр., hajna здесь, hajnapa, здешний, šaca в прошлом году šacina, прошлогодний и т. п.), но существительные превращаются в р. п. в настоящие прилагательные, окончания которых определяются принадлежностью управляющего (regens) существительного к тому или иному классу, а также формой числа этого существительного. Если regens стоит в ед. ч. и принадлежит к одному из первых трех классов, то р. п. так же, как прилагательное в виде определения (аттрибутивное), принимает окончание: —na, если же regens относится к 4-му классу, р. п. (или прилагательное) образуется с окончанием—n с предшествующим гласным. Если regens стоит во множ. ч., то зависимый р п. или прилагательное принимают окончание—n с предшествующим гласным.

Вот несколько примеров: а) р. п. существ + regens существительное

(р. п. прииненный) Мн ч.

adamina dix (I класса)—человека сын, adamin duxjá—человека сыновья,

adamina jiš (II класса)— „ дочь, adamin jišby человека дочери,

adamina balkhan (III класса) „ лошадь, adamina balkhanar человека лошади,

adamin xaw (IV класса)— „ дом, adamin xajby человека дома,

в) прилагательное, согласуемое с существительным:

bathrajna adami (I) красивый человек (мужчина), bathrajn adamär, красивые люди (мужчины),

bathrajna huneše (II) красивая женщина, bathrajn jedar красивые женщины,

bathrajna balkhan (III) красивая лошадь, bathrajna balkhanar красивые лошади,

bathrajn xaw (IV) красивый дом, bathrajn xajby красивые дома[4]).

---

[1]) См А Дирр, ук. соч., стр 7 примеч Einfuhrung, стр 354 сл. От ni, сестра, р п. rišid+суффикс множ ч. bur.

[2]) См А Дирр, ук соч, стр. 28 сл.

[3]) Бывают также прилагательные с окончанием da, напр. chaxbišda, цахурский, гл. обр образованные от основы косв. п мн. ч этнических названий

См А Дирр, Цахурский язык (СбМ· в. 43, Тифлис 1913), стр 27 примеч I

[4]) А. Дирр, ук. соч, стр 6 сл. 26 сл. Einfuhrung., стр. 318 сл. и 322.

Еще одна интересная деталь, показывающая параллелизм в образовании р. п. существ и формы пралагательного.

Если regens стоит в одном из косвенных падежей, то р. п. присубстантивный всегда получает окончание ni, как и прилагательное [1]) перед существительным в косв. п., напр, adamini arabaikh [2]) под арбой (одного) человека, adamini balkhanaršin, [3]) лошадей человека, bathrajni adamis (дательный п ед. ч), красивому человеку (мужчине), bathrajni balkhanis (д. п. ед. ч.), красивой лошади и т. п.

Р. п личных местоимений, употребляемых и в качестве притяжательных, имеют те же окончания, что р. п. существ. и прилагательные (—na, —n, —da).[4])

Как в рутульском, так и в цахурском языке употребление родит, п. существ., обозначающих материал (genitivus materiae), заменяет соответствующие прилагательные. В этом отношении показательны следующие рутульские выражения. gymyšad sahath, qiziläd sahäth серебряные (соб. серебра), золотые (соб. золота) часы, [5]) а также цахурские—almazyn tur алмазный меч, juwan akhkha, osan akhkha, железная, деревянная дверь. [6])

Третий язык той же собственно самурской подгруппы, т. н. кюринский обнаруживает подобные же явления. Так, и здесь мы замечаем параллелизм в образовании р. п. существ, некоторых форм прилагат. и местоимений: р. п. существ. оканчивается на—n (напр., baba, отец, р. п. babadin, wax сестра р. п. waxan, qal прут, р. п. qalinin [7]) прилагат., производные от существ., имеют форму р. п. ед. или мн. ч. (panan genibaš, женино (жены) платье, paparun genibaš, женское (женщин, жен) платье, sikhren ghæl, лисий (лис —р. п. мн ч) след с окончанием—n,[8]) наконец, местоимения личные (р.п.), функционирующие в качестве possessiva имеют тот же суффикс—(zin win, adan) [9]).

В языках агульском и табассаранском, составляющих северное отделение кюринской или самурской (в широком смысле) группы окончание—n мы опять встречаем в р. п. имен существительных

---

[1]) Прилаг. может иметь и окончание—di.

[2]) Местный (Locativus-Subessivus) на—kh показывающий под чем находится предмет.

[3]) Род п мн. ч.

[4]) А. Дирр, ук соч стр. 45 слл. Einfuhrung, стр. 325 сл. 356

[5]) А. Дирр, Рутульский язык, стр. 9

[6]) А. Дирр, Цахурский язык, стр 16

[7]) См Услар, Кюринский язык (Этнография Кавказа, Языкознание, VI, Тифлис 1896) стр 22, 29, 35 A. Dirr Einfuhrung, стр 286.

[8]) См Услар, ук соч, стр. 56 сл Ср. A Dirr,, Einfuhrung стр. 288.

[9]) См Услар, ук соч стр. 59 слл 62 сл. A Dirr, Einfuhrung стр. 289.

(—in,—en—an в табассаранском [1]) языке, напр., gavan, пастух, р. п gavanen, či, сестра р. п čičin, mug, гнездо, р. п. mugan, п с предшествующим гласным в агульском языке, напр., adar дядя, р. п. adaran, dar, отец, daran),[2]) в именах прилагательных вещественных, представляющих собою р. п существ (genitivus materiae), напр., табассаранские: kizildin khušar, золотая грива (kizil золото), bambagen thirim, бумажная веревка (bambag, бумага), ildandin kumar, стальные гвозди (ildan сталь),[3]) агульские· kuranin (от kur дерево), деревянный kizildin (от kizil), золотой и т. п. [4]) и в местоимениях (р. п)[5]) некоторых личных (табассаран) и указательных (агульск), употребляемых как притяжательные Тот же суффикс—n (с предшествующим гласным) в р. п. имен существ (напр ans, бык, р. п. ansan, dada, дядя, р. п. dadan, anš яблоко, р п anšlin и т. д)[6]) в прилагательных вещественных (gen materiae), напр., arsilin серебряный,[7]) в местоимениях притяжат. (указательных) как thowmun, thormin и т. п.[8]) мы встречаем в „одноаульном" арчинском языке, который относится уже к центрально-дагестанской группе языков.

Второй и важнейший язык последней—лакский или казикумухский образует р. п. существ. на—l с предшествующей гласной (khu, р. п. khul овца,—su сестра, р. п. suil, šin вода, р. п. šinal, ču, муж р. п. cunal, ja, глаз, р. п. janil и т. п.; во множ ч. р. п. оканчивается на al, al, il напр. khu-khundal, su-suklundal, šin-šindal и т. д)[9])

Такое же окончание имеют местоимения личные в р. п. который функционирует также и в качестве passessiva (напр. ttul мой, vil твой и т. д.).[10]) Но прилагательные имеют в лакском языке особый суффикс—sa, при помощи которого они могут быть образованы от любой основы (напр., косвенных падежей имен существ.[11])

---

1) См А Дирр, Табассаранский язык (СбМ в. 35, Тифлис 1905), стр 14 слл Einfuhrung стр 269

2) См А. Дирр, Агульский язык (СбМ. в. 37, Тифлис 1907), стр. 4 слл Einfuhrung, стр. 278.

3) См. А. Дирр, Табассаранский яз стр. 17

4) См. А Дирр, Агульский яз. стр. 10

5) См А Дирр, Табас яз, стр. 33 слл Агульский яз, стр. 21 слл.

6) См. А. Дирр, Арчинский язык (СоМ в 39, Тифлис 1908), стр. 6 слл Einfuhrung, стр. 253 и 356

7) См А Дирр, ук соч., стр 15.

8) См А. Дирр, ук соч, стр 30 и 35 сл Einfuhrung стр 258 сл.

9) См Услар Лакский язык (Этнография Кавказа Языкознание. IV, Тифлис 1890) стр 17 слл. 25 слл A Dirr Einfuhrung стр 239, 241, 356

10) См Услар, ук соч, стр 55 и 59 и A Dirr, Einfuhrung стр. 243 и 356.

11) См Услар, указ соч., стр 48 слл. A Dirr, Einfuhrug стр 242

III.

ДАГЕСТАНСКИЕ ЯЗЫКИ.

(Продолжение)

Родит п сущ, прилагательные и местоимения в хюркилинском языке (северо-восточной группы дагестанских языков) и в языках западно-дагестанских андийском, дидойском, капучинском, аварском

Переходим к северо-восточной группе дагестанских языков. Здесь интересующие нас факты обнаруживаются в хюркилинском (хюрканском), одном из даргинских языков и при том самом главном. Названный язык имеет одно и то же окончание—l (a) в р п. имен существ. (напр, р. п. от dis ножик, disla, от šang, котел, šangla, от ada отец, adala, во множ. ч. disvela, šungrela, adnela [1]), прилагательных (напр., aral здоровый от корня ara, aqul, праздный от корня aqu, duxul, разумный от корня du и т. д. [2]) и местоимений личных, служащих и притяжательными (dila меня и мой, nušila нас и наш.. [3])

Следует добавить, что прилагательные, образуемые от существительных, имеют обыкновенно форму р. п. ед. или множ. ч. существительного, напр., kiwa баран, р. п. мн. ч. kiwnela бараний, khulki, вор, р. п. мн. ч. khulknela воровской [4]).

Р. п. существительных вещественных (genit. materiae) употребляется, как прилагательное, напр., arcla (р. п. от arc серебро) серебряный, kiwnela, бараний [5]).

Остается сказать несколько слов о западно-дагестанской группе языков (аварско-андийско-дидойской).

Наиболее интересен для нашей цели андийский язык, в котором р. п существ. часто играет роль прилагательных и род. п. личных и указательных местоимений, служащих также и possessiva имеют те же окончания, что и р. п. имен существительных [6]).

---

[1]) См. Услар, Хюркилинский язык (Этнография Кавказа Языкознание V, Тифлис 1892) стр. 16 слл. A. Dirr, Einfuhrung, ст 220

[2]) См Услар, ук соч стр 41 слл. A. Dirr, Einfuhrung, стр 222.

[3]) См. Услар, ук соч стр. 52 слл, A Dirr, Einfuhrung, стр 222. Кубачинский язык (См A. Dirr, Einfuhrung, стр 236), имеет также р. п сущ на la и личн м, служащих и притяжател

[4]) См Услар, ук соч стр 47 сл

[5]) См Услар, ук соч, стр 48. Л. Жирков, Грамматика даргинского языка, Москва 1926, стр 60

[6]) См А Дирр, Краткий грамматический очерк андийского языка (СбМ. в 36 Тифлис 1906) стр 9 слл. 29 сл 36 слл, A Dirr. Einfuhrung, стр 184, 187 слл. 355 сл Примеры не приведены вследствие отсутствия в типографии нужных буквенных знаков.

В дидойской подгруппе языки дидойский и капучинский имеют одно и то же окончание окончание—s для р. п. имен существ. и личных местоимений, употребляемых и в качестве притяжательных [1]).

В аварском языке прилагательные, образуемые от имен существительных среднего рода, принимают большей частью форму род. п.· напр., cadal qo дождливый день (cadal р. п. от cad дождь), bachil hamal волчий нрав (bachil р. п. от bach, волк [2]).

Род. п. мн. ч. употребляется иногда в качестве прилагательного. Так выражение qadijasul hadat значит обычай судьи (т е. отдельного лица), qadizabazul hadat судейский (собственно судей, свойственный вообще судьям) обычай.

IV.

ДАГЕСТАНСКИЕ ЯЗЫКИ

(Продолжение)

Употребление р п личных, возвратных и указательных местоимений в качестве притяжательиых в дагестанских языках аварском, андийском, хюркилинском, кубачинском, лакском, арчинском, табассаранском, агульском, кюринском, ругульском цахурском и удинском

Общие итоги наблюдений над дагестанскими языками в отношении интересующих нас фактов морфологических и синтаксических.

Употребление родит. п. личных, возвратных и указательных местоимений в качестве притяжательных наблюдается в языках:

1) Аварском, напр., dir, р. п. личного м. первого лица „меня“ и притяжательное „мой“, „моя“, „мое“, „мои“, dir vac, мой брат, dir jac, моя сестра, dir ču, мой конь, dir vacal, мои братья и т. п., dur р. п. личного м. 2-го л. „тебя“ и притяжательное „твой“ и т. д. [4]).

---

[1]) А. Дирр. Материалы для изучения языков и наречий Андодидойской группы (СбМ. в 40, Тифлис 1909) стр. 69 слл. и 80 слл. A Dirr. Einfuhrung стр. 212 слл, 217 сл.

[2]) См. Услар. Аварский язык (Этнография Кавказа, Языкознание III Тифлис 1889), стр. 89

[3]) См. Услар, ук. соч., стр. 88.

[4]) См. Услар, Аварский язык, стр. 92—95.

2) Андийском, напр., р. п. личного м : di—w—j, „меня", iši—w—j, нас, du—w—j, „тебя", biši—w—j вас,

	Ед. ч. (предмета).	Множ. ч. (предмета)
притяжат.:	1 л. ед. ч. di,—w,—j,—b,—r,	di—v—ul, dijil, dibul, dirul
	2 л. ед. ч. du—w,—j,—b,—r,	du—v—ul и т. д
	1 л. мн. ч. iši—w,—j,—b,—r,	iši—v—ul и т. д.
	2 л мн. ч. bisi—w,—j,—b,—r	bisi—v—ul и т. д.

Для 3-го лица употребляется в качестве притяжательного м. родит. п. указательных: hedešu—w, —j,—b —,r (с показателями класса предмета принадлежности), если владелец относится к 1-му классу (и один владелец) и т. д. [1]).

3) Хюркилинском (Хюрканском)[2]) р п. личных м. служат и притяжательными м, напр., dila „меня" и „мой", „моя", „мое", „мой", dila udzi, мой брат, dila rudzi, моя сестра и т. д, nušila „нас" и „наш" nusila urči наша лошадь и т. д. [3]).

4) Кубачинском [4]), р. п. личных м. употребляются в качестве притяжательных (dila, ila, idila для 1, 2, 3 л. ед ч. nusila išila, itala для 1, 2, 3 л. мн. ч.) напр. dila ata мой отец, nusila ata наш отец и т. д. [5])

5) Лакском, р п. личных м. служат притяжательными (1. ttul, 2. vil, 1. žul, 2. zul, 3. thanal, thanil, thaindal, thaindul). напр, tul usu, мой брат, vil usu твой брат, thaindal usu их брат (для разумных существ [6]).

6) Арчинском, р. п. личных м. служат притяжательными (для 1 и 2 лица ед. и мн. ч), для 3-го лица в роли притяж. м. употребляются указательные в р п, напр. wisabtu мой отец (w-is, d-is, b-is, is личное м. I л. ед. ч. р. п.), thowmun (р. п. указат. м. thow) abtu его отец.[7])

---

[1]) А. Дирр, Краткий грамматич очерк андийского яз, стр. 31—39 A Dirr, Einfuhrung стр 188 сл

[2]) Один из даргинских языков, наречие аула Хюркили (Урахи) см Услар, Хюркилинский язык (Этнография Кавказа Языкознание. V, Тифлис 1892), стр 1—6 Л. Жирков, Грамматика даргинского языка, Москва 1926, стр. 4 А Дирр называет этот язык Хюрканским по имени жителей указ аула, называющих себя хюрканами См А. Дирр, Современные названия кавказских племен (См вып 40, отд. 3), стр 16.

[3]) См. Услар, ук соч, стр 53; Жирков, ук соч, стр 61 сл. A. Dirr, Einfuhrung, стр 222 сл.

[4]) Кубачинский язык также причисляют к даргинским языкам.

[5]) См. A. Dirr, Einfuhrung стр 236. Буква, d означает здесь межзубной звук (обозначаемый Дирром греческой буквой „дельта")

[6]) См Услар, Лакский язык (Этнография Кавказа Языкознание IV. Тифлис 1890) стр 59 A Dirr, Einfuhrung стр. 244

[7]) См. А. Дирр, Арчинский язык (Сб. М. в 39. отд. 3), стр. 34 слл. Einfuhrung стр. 258 сл.

7) Табассаранском притяжательные м. образуются р. п. личных местоимений (jaz, jav меня, мой, тебя, твой, и т. д.) напр. jáz mux мой ячмень[1]).

8) Агульском р. п. личных м. служат притяжательными 1 и 2 лиц ед. и мн. ч., р. п. указательных—притяж. 3-го л. ед. и мн. ч. (ze, we, he, če, cwe для 1 и 2 л. ед. и мн. ч. и min, thin, gin, lin для 3 л. ед. ч, murin, gurin, lurin, для 3 л. мн. ч.), напр. zi ču мой брат, ze čuwar, мои братья [2]).

9) Кюринском[3]) р. п. личных м. являются в качестве притяжательных (zi(n) wi(n) ada(n) ci(n) khu(n) aburu(n)), напр. zi wax, моя сестра, ada wax, его сестра [4]).

10) Рутульском притяжательные м. представляют собою р. п. м. личных (jizdy, udy, jixty, wixty мой, твой, наш, ваш), указать. м. (hanidy, thinidy его, и друг.), вопросит. м. (haldy чей) и друг. напр. jizdy did мой отец, hanidy qul, его голова[5]).

11) Цахурском в качестве притяжательных м. функционируют р. п. личных м. (již-da мой, jigh-na твой, jiš-da наш, wuš-da ваш и друг.) и указательных (manghuna, manghena и т. д.), напр. jizda čož мой брат, jizda jiči моя сестра, manghena čož ее брат[6]).

12) Удинском р. п. личных м. служит притяжательными м. (bez(i) мой, vi твой, šetej, šetuj его свой, beš(i) наш, ef(i), efen, ваш, šetoghoi их), напр. bezi xunči моя сестра[7]) при чем окончание i(j) совпадает с аффиксами р. п. имен существительных[8]).

---

[1]) См. А. Дирр, Табассаранский язык (СбМ в. 35 отд. 3), стр 35 сл. Einfuhrung стр 270 сл

[2]) См. А Дирр, Агульский язык (СбМ в. 37 отд. 3), стр 23 Einfuhrung, стр 281.

[3]) См. Услар, Кюринский язык (Этнография Кавказа. Языкознание. стр. 62 A Dirr, Einfuhrung 289.

[4]) Разумеется собственно кюринский. Два ранее названных языка—табассаранский и агульский относятся к северному отделению т. н. кюринской (по Эркерту) или самурской группы См об этом мою работу. „Из прошлого и настоящего кавказской лингвистики", стр. 14, 19, 30 и др,

[5]) См. А Дирр, Рутульский язык. стр 46 сл A. Dirr, Einfuhrung стр. 310 слл.

[6]) См А Дирр, Цахурский язык, стр. 32 и 44—50. A Dirr, Einfuhrung стр. 325 слл.

[7]) См. А. Дирр, Удинский язык, стр 32. A Dirr, Einfuhrung стр 336 слл.

[8]) Р. п. имен существ в удинском языке имеет окончания большей частью в виде, aj, ej, naj (где j означает i неслоговое), а также i, напр, ekh лошадь, р п. ekhej, ekhnaj, bul голова bullaj, xe, вода, xenaj, vičі брат, vičei и т. п.. Аффиксы с конечным n, так распространенные в чеченско-дагестанских языках, реже, а именно, б. ч. в многосложных словах, напр. adamar человек, р. п. adamarun, niko мяч, р. п. nikonun и т. п. Р. п. существ вещественных (genit materiae) заменяет прилагательные: gumusun zaphgnux серебряный колокольчик, durutun деревянный. См А. Дирр, Удинский язык, стр. 14 сл. Einfuhrung, ст. 334.

Таким образом, в дагестанских языках почти всюду наблюдается: I) параллелизм в образовании р п. сущ. в образовании прилагательных и функционирующих в качестве притяжательных местоимений р. п личных, указать. и друг местоим. (сходство или тождество аффиксов), 2) употребление р. п. сущ. в кач прилаг (особенно в т. н. genitivus materiae) и 3) р п личных указат. и друг. м употребляется в качестве м. притяжательных.

Следует еще добавить, что во всех дагестанских языках т н присубстантивный р. п. существ, прилагательные в качестве определения и притяжательные местоимения ставятся впереди определяемого слова.

Прилагаемая таблица иллюстрирует все сказанное и суммирует указанные факты (См. таблицу II).

ТАБЛ

Дагестанские языки — Морфологическое строение

НАЗВАНИЕ ЯЗЫКА	Образование р п имен существ.	Образование прилагат	Образование р п личных, возвр и указат. местоим
Аварский	Аффикс l с предшеств гласн	Прилаг в форме р п на—e	Р п личных м оконч-ся на—l
Андийский	Окончания	одинаковы	одинаковы
Дидойский и Капучинский	Оконч—s	—	Оконч—s в личн местоим
Хюркилинский и (Кубачинский)	Аффикс—l (a)	Аффикс—l	Личные м р п на—la
Лакский	Аффикс—l (с предш гласн.)	Аффикс—sa	Личные м р п на—l
Арчинский	Аффикс—n с предш гласным	В некот. прилаг аффикс—n	Указат м оконч в р. п. иа—n
Табассаранский	Аффикс—n с предш гласн,	В некот прилаг —n	В некот личных м р п на—n
Агульский	Аффикс—n с предш гласн	В некот прилаг —n	В указ м р п —n
Кюринский	Аффикс—n с предш. гласн.	В некот прилаг —n	Личные м р п —n
Рутульский	Аффикс—dy (ty)	Прилагат —(ty) атрибутивное неизм	Личные м р п — dy (ty)
Цахурский	Аффикс—na,-n с предш. гласн	Прилаг —na,-n	Личн м —р п da,-na,-n
Удинский	Аффикс—n,чаще гласный i (j)	—	Личн. м р.п —i (j)

ИЦА II.

Сингаксическая функция

Употребление р п существ в кач прилагат	Употребление р п личн. возвр и указат мест в кач. притяжат	Постановка р п. примененного, прилагат и притяжательн местоим	
В некоторых примерах	Р п личных м употр—ся в кач притяжат	Р п. прииенный, Прилагательное, Притяжательное м	Перед определяемым
Genitivus materiae в роли прилагат	Р п личных и указ м. употр-ся в кач притяжат	Р п прииенный, Прилагательное, Притяжательное м	Перед определяемым
—	Р п личных м в кач притяж	—	—
Genitivus materiae в роли прилагат.	Р п личных м в кач. притяжат.	Р п. прииенный, Прилагательное, Притяжательное м	Перед определяемым
—	Р. п. личных м в кач притяжат	Р п. прииенный, Прилагательное, Притяжательное м	Перед определяемым
Genitivus materiae в роли прилаг.	Р. п указат. и личн м в кач притяж	Р п. прииенный, Прилагательное, Притяжательное м	Перед определяемым
Genitivus materiae в роли прилаг.	Р. п личных м в кач притяжат	Р. п. прииенный, Прилагательное, Притяжательное м	Перед определяемым
Genitivus materiae в роли прилаг	Р. п личных и указ м. в кач. притяжат	Р. п прииенный, Прилагательное, Притяжательное м.	Перед определяемым
В некот. примерах	Р. п. личных м в кач притяж.	Р. п. прииенный, Прилагательное, Притяжательное м	Перед определяемым
В нек примерах и Genitivus materiae	Р. п личных, указ вопрос. м в кач притяжат.	Р. п, прииенный, Прилагательное, Притяжательное м	Перед определяемым
Genitivus materiae	Р. п личн и указат в кач. притяжат.	Р. п, прииенный, Прилагательное, Притяжательное м.	Перед определяемым
—	Р. п личн м в кач. притяжат	Р. п. прииенный, Прилагательное, Притяжательное м.	Перед определяемым

V.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РАССМОТРЕННЫХ ЯЗЫКОВЫХ ФАКТОВ.

Ад'ективный характер р п в чеченско-дагестанских языках и постановка р п прилагательного и притяжательного местоимения перед определяемым с точки зрения статической Коррективы и дополнения, вносимые в анализ перечисленных языковых фактов при помощи эволюционного (генетического) метода Родит п первоначально рудиментарная форма прилагательного Марксистская интерпретация фактов превращения р п. личных местоимений в притяжательные и р п. сущ в „поссессивный падеж".

„Die beschreibende Wissenschaft ist nur eine Vorstufe der eigentlichen der erklärenden Wissenschaft " Hugo Schuchardt [1])

Если на основании рассмотренного нами фактического языкового материала ад'ективный характер р. п. в чеченско-дагестанских языках (особенно в некоторых, как цахурскйй, рутульский) не подлежит сомнению, то, однако, следует подчеркнуть, что эта ад'ективность р. п. создается функцией его в словосочетании, его синтаксической ролью в качестве аттрибута взамен прилагательного, обычно функционирующего в качестве аттрибута. Это синтаксическое родство р. п. и прилагательного, конкуррирующих между собой в роли аттрибута, верно подмечено еще Вильгельмом Вундтом [2]), который усматривает сущность р. п. в его ориентации на другое имя, для которого этот падеж составляет такое же аттрибутивное определение, каким бывает прилагательное [3]).

Ад'ективность р. п. является, следовательно, результатом его аттрибутивности. В последней, повидимому, кроется и причина того факта, что р. п. присубстантивный в чеченско-дагестанских языках ставится всегда перед управляющим существительным, как прилагательное (и притяжательное местоимение) перед своим определяемым

Также и р. п. личных (возвратных и указательных) местоимений именно благодаря такой постановке перед существительным превращается в притяжательное местоимение.

Если в замене прилагательного р. п. существительного играет роль и лексико-семантический момент, вещественное значение слов определяющего и определяемого (напр., в табассаранском словосоче-

---

[1]) Das Baskische und die Sprachwissenschaft (Sitz.-Ber d Wien. Ak. 202/4 Wien 1925) стр 5, или Schuchard-Brevier (изд. 2-е' Halle 1928) стр. 207.

[2]) Wilhelm Wundt, Völkerpsychologie, Band II, Die Sprache, Teil 2, Aufl 4, Leipzig 1922, стр. 103 сл. ср. 160 и 56.

[3]) Ук. соч., стр. 84.

тании: kizildin khušar „золотая грива", т. к. „гривное золото" было бы бессмыслицей), то отличить местоимение притяжательное от р. п. личного и друг. м. возможно гл. обр. по месту, занимаемому в словосочетании притяжат. м.,—перед существительным непосредственно (или перед определяющим его прилагательным).

Тут следует отметить, что в чеченско-дагестанских языках р п личных и других местоимений, употребляемых в качестве possessiva почти не встречается в словосочетаниях в иной роли. Приводимые Усларом[1]) чеченские выражения: saŋ du zajna—„у меня есть книга", или saŋ sajŋ jajna gour—„у меня самого пропала лошадь", довольно редкие примеры употребления р. п. личного м., где мы воспринимаем формы saŋ как р. п. личного м., лишь по тому, что в словосочетании эти формы отделены от имени существительного глаголом.[2])

Ведь формальное значение слова, даже обладающего особыми показателями формы (аффиксами), определяется не исключительно этими последними, но и формой словосочетаний, в которые данное слово способно входить (ср. русские словосочетания: „она добра" и „у него много добра")[3]).

Так об'ясняются интересующие нас языковые факты с точки зрения статической.

Некоторые дополнения и коррективы вносит в эту интерпретацию точка зрения эволюционная (генетическая, по терминологии Гуго Шухардта. См. Schuchardt—Brevier, стр. 208). С этой точки зрения, прежде всего, постановка р. п. перед определяемым словом представляется пережитком одного из древнейших этапов языкового развития, когда человеческая речь соответственно характеру мышления отличалась большей аффективностью, чем логичностью.[4])

„Постановка р. п. впереди (Genitivvoranstellung), говорит Вильгельм Шмидт,[5]) действительно есть нечто органическо-психологически

---

[1]) Чеченский язык, стр 46 и 49. См. также И. Чуликов. Правописание чеченского языка, стр. 32.

[2]) Ср словосочетания: san vaša мой брат, saŋ dikiŋ vaša мой добрый брат, где saŋ стоит непосредственно перед существительным или определяющим последнее прилагательным. Вместо saŋ du zajna можно сказать также иначе: sioχ du zajna или siogaχ du zajna, употребляя „усваивающий" падеж (Услар)

[3]) А. М Пешковский Русский синтаксис в научном освещении, М Л. 1928 (3-е издание), стр 71.

[4]) Schuchardt-Brevier, стр 262 сл, 284 слл особенно 324 Ср. Otto Jespersen. Language, its Nature, Development and Origin, London 1925, стр. 441, в немецк. переводе Hittmair'a u Waibel'я стр. 433. А. Л. Погодин, Язык, как творчество. Харьков 1913, стр. 549.

[5]) P. Wilhelm Schmidt, Die Sprachfamilien und Sprachenkreise der Erde, Heidelberg 1926, S. 464

выросшее. Р п. представляет в целом организме развития понятия differentia specifica, при посредстве которой из общности genus'a устанавливается новая species. Так, напр., в понятии „Haus-schlussel" слово „Schlussel" есть общий genus для всех видов ключей, а стоящий впереди р. п. „Haus" есть differentia specifica, прибавлением которой к genus'y образуется новая species, новый особый вид общего рода „Schlussel" („ключ"). При этом, конечно, genus есть нечто уже известное, более старое. Differentia specifica есть ранее неизвестное, но то, что теперь как новое привлекло на себя внимание. В наивном, естественном, спонтанно-пылком мышлении при словообразовании оно, именно как р п, стоит впереди".

Вместе с Вундтом мы подчеркнем, что в именных соединениях, подобных приведенному Haus-Schlussel „центр тяжести понятия лежит не на управляющем слове, а на присоединившемся к нему аттрибутивном имени"[1]).

Этот безаффиксный р. п., который может представлять собою и вторичное создание[2]), является, однако, явно первичным образованием, или, по крайней мере, пережитком первичного состояния, аморфной системы[3]).

Подчинение имени управляющему (regens) путем особого аффикса р. п. явление более позднее, первоначальный же р. п присубстантивный (адноминальный, прииенный) особого показателя формы не имел[4]).

Как аттрибут и р. п. личного[5]) местоимения получает в словосочетании то же место перед определяемым существительным в качестве possessiva.

Что касается прилагательного, то и его постановка перед определяемым, кажется нам исконной, хотя некоторые ученые, как напр., Вильг. Шмидт[6]), усматривают в этой постановке явление вторичное, возникшее под влиянием аналогии с р. п. Однако, почему то же самое „наивное, естественное, спонтанно-пылкое мышление", которое

---

[1]) W. Wundt, ук. соч. стр. 98.

[2]) Ср немецкие Vaterhaus, Kirchturm, ein Becher Wein.

[3]) См Н Я Марр, Яфетическая теория Баку 1918, стр 51 слл. И. Мещанинов, Введение в яфетидологию, Ленинград 1929, стр. 120 сл Ср Jespersen, Language, стр. 451, немецк. перевод стр 432.

[4]) Schuchardt-Brevier, стр. 305, Wundt, ук. соч. стр. 96 слл Otto Jespersen, Language, стр указывает наблюдаемый в языке детей факт употребления р. п без аффикса onkel hut вм onkels hut

[5]) W Schmidt ук соч, стр 415 насчитывает 90% языков, в которых р п личного м служит притяжательным. Ср W Wundt, ук соч, стр 56, Schuchardt-Brevier, стр 305.

[6]) Ук. соч., стр. 486.

выдвигало на первый план р. п., не могло поставить и прилагательное перед определяемым именем? Как раз такая постановка более естественна и более соответствует живому, не связанному еще логичностью мышлению, которое очень часто подмечало в предмете прежде всего именно признак, один, наиболее поражавший примитивное сознание, признак, который как название делался обозначением всего предмета в его целостности. Мы знаем в индоевропейских языках целый ряд таких „существительных", которые этимологически являются „прилагательными" (причастиями), первоначально обозначавшими отдельный признак данного „предмета". Таковы, напр. латинское слово homo (образование родственное с humus „земля"), „человек", означающее собственно „земной"[1]), латин. femina (fello „сосу"), „женщина", „кормящая грудью", латин. filius (из fclios от того же fello, felo\), „сын", „сосущий"[2]), латин. luna[3]) (из louqsna или leuksna, ср. luceo, lux „светить", „свет"), „луна", „светящая", лат. serpens (serpo, „ползу, греч. herpo, санскр. sarpati), „змея", „ползущая" (причастие настоящ. вр. от serpo)[4]), греч. herpeton „пресмыкающееся"[5]), греч. odus (р. п. odontos), латин. dens „зуб", „едящий" (ср. греч. эолич. edontes, particip praes. к ed-o, индоевроп. ed-mi), как и санскр. radanas „зуб", „грызущий"[6]).

Весьма вероятно, поэтому, что „прилагательное" древнее „существительного"[7]), говоря точнее и имея в виду не морфологическую, а лексико-семантическую сторону, „слово, обозначающее качество"

---

[1]) См. А. Мейе Введение в сравнительную грамматику индо-европейских языков Перевод проф. Д Кудрявского Юрьев 1914, стр 232 Meillet, Esquisse d'une histoire de la langue Latine Paris 1928, стр 41, Herm Guntert, Grundfragen der Sprachwissenschaft, Leipzig 1925, стр 67 Alois Walde, Lateinisches Etymologisches Worterbuch, Heidelberg 1910 (2 Ausg.), стр. 368 и 372.

[2]) См. H. Guntert, ук соч, стр 68. Stolz-Schmalz, Lateinische Grammatik, 5 Aufl. neu bearb, v Manu Leumann u Joh. Bapt, Hofmann, Syntax und Stilistik, Munchen 1928, стр. 454. A. Walde, ук соч., стр. 280.

[3]) А. Мейе, Введение, стр 233; H Guntert, ук. соч., стр. 68 A. Walde, ук соч., стр, 442 и 446 Stolz-Schmalz, Syntax стр 454 Греческое слово, обозначающее луну selene, дорич selana эол (лесб) selanna (из selasna) ср гомер selas, блеск, свет (из* suel гореть) тоже значит „блестящая" и есть образование причастного типа, как показывает суффикс—no (na) Ср. также Emil Boisacq,, Dictionnaire Etymologique de la langue greque, 2 édit. Paris-Heidelberg 1923 стр. 868.

[4]) См J. Vendryes, Le Langage, Paris 1921, стр 152.

[5]) А. Мейе. Введение, стр 238, A Walde, ук соч, стр. 704

[6]) J Vendryes, ук. соч., стр. 152. A. Walde, ук. соч. стр., 228 и 250, Boisacq ук соч, стр 686 Перечисленные нами слова имеют, следовательно, „внутреннюю форму" (Ср А. А. Потебня, Мысль и язык, стр 116 Изд 4-е Одесса 1922).

[7]) H. Guntert. ук. соч., стр. 68.

(Eigenschaftswort) древнее, чем „слово, обозначающее предмет„ (Dingwort) [1]).

Отсюда дальнейший вывод, что р. п первоначально не что иное, как Eigenschaftswort[2]) и при том в рудиментарной форме прилагательного, неизменяемого ни по падежам, ни по числам, ни по родам[3]). Пережитки этой стадии развития прилагательного до сих пор сохраняются в чеченско-дагестанских языках, где прилагательное в аттрибутивной функции б ч. неизменяемо. (См. вышеприведенные примеры из разных языков).

Из этой же отдаленной эпохи „единого глоттогонического процесса" чеченско-дагестанские языки унаследовали и сходство формы р. п. имени существ, местоимения и прилагательного (См. Табл. I и II).

Первоначальный синкретизм „частей речи" отражается в чеченско-дагестанских языках также в употреблении р. п. местоимений личных и друг. в качестве притяжательных, в чем вместе с Эрнстом Кассирером[4]) можно усматривать пережиток той стадии языкового развития, когда еще не дифференцировались в языке выражения для понятия „я" и „мой", „ты" и „твой" и т. д.

Возникновение собственности сделало это первоначально аморфное прономинальное образование обозначением признака, характеризующего предмет, как собственность определенного „лица" („моя лошадь", „твой дом", „его дочь" и т. п.).

---

1) См Schuchardt—Brevier стр. 275, 211.

Ср следующие строки А А Потебни („Мысль и язык", стр. 119) „как зерно растения не есть ни лист, ни цвет, ни плод, ни все это взятое вместе, так слово в начале лишено еще всяких формальных определений и не есть ни существительное, ни прилагательное, ни глагол.

2) В одной из своих последних работ „Das Baskische und die Sprachwissenschaft" Гуго Шухардт так изображает происхождение падежей „То что называется падежами, говорит здесь Ш., складывается из весьма разнородных слоев, большей частью из наречий, затем из прилагательного (родит п), из повелительной формы (звательный) и из голого предметного слова (Dingwort), не падежа (именительного)". См Schuchardt-Brevier, p. 212 (Das Baskische стр 9) Ср Friedrich Muller, Grundriss der Sprachwissenschaft, I Band Abt. I Einleitung in die Sprachwissenschaft, Wien 1876, стр. 118 сл. W. Wundt. Die Sprache, II Teil, стр 103. сл

В отношении угрофинских языков такой же вывод, что „р п. первоначально был простым аттрибутом, Eigenschaftswort", делает O. Beke, Zur Kasuslehre des Finnischugrischen und Indogermanischen (Indogerm Forschungen, XLVI Band, 1928, Heft 3), стр 247.

3) Отражение этого состояния в индоевроп. яз. представляют напр греч словосочетание (с неизменяемым числительным)' pente anthropoi „пять человек" лат quinque homines, или греч. compositum в роде akro—polis.

4) Ernst Cassirer, Philosophie der symbolischen Formen, I Teil, Die Sprache, Berlin 1923, стр. 221.

Тот же факт социально-экономической эволюции человечества придал и присубстантивному родительному падежу существительного уклон в сторону обозначения поссесивного отношения в виде т. н. „родительного п. принадлежности“ („genetivus possessivus“[1]).

Первоначальное значение род. п. еще аморфного, безаффиксного сводилось к выражению отношения производителя (именно физического производителя) к предмету „производства“. А так как производитель, создатель, „отец“, был в то же время и обладателем, собственником созданного (живого существа или предмета, как напр., топор, копье, стрела), то р. п. стал обозначением и отношения собственника к предмету собственности „родительный“, вернее „производительный“ падеж стал „падежом владения“, поссесивным, genitivus possessivus („Besitzfall„)[2]).

Так языковые факты „увязываются“ с общественно-экономическим развитием человечества, человеческого коллектива, и отражая в себе давно пройденные этапы этого развития, становятся из мертвых отвлеченных „грамматических“ категорий жизненными явлениями.

Язык оказывается существующим и развивающимся, как часть общего исторического процесса, органически связанным с историей материальной культуры и общественности[3]).

---

[1]) Н Я Марр. Яфетическая теория, стр 122.

[2]) Н Schuchardt, Possessivisch und Passivisch (Sitz-Ber d Preuss. Akademie d Wiss Berlin 1921) в Schuchardt-Brevier, стр 306 сл.

[3]) См Н Я. Марр, Яфетическая теория, стр. 79.

INHALTSANGABE.

Der Verfasser untersucht zwei parallel beobachtende Tatsachenreihen, die in tschetscheno-daghestanischen Sprachen vorkommen. 1) die Übereinstimmung der Genitivformen des Substantivs mit denen des Adjektivs und der Genitivformen der Personal,—Reflexiv und Demonstrativ pronomina; 2) den adjektivischen Gebrauch des adnominalen Genitivs der Substantiven und Genitivs der Personal—(Reflexiv-und Demonstrativ) pronomina als Possessivpronomina.

Im ersten Kapitel zahlt d. V. die betreffenden Tatsachen der tschetschenischen Sprachgruppe auf und illustriert sie mit einer Reihe von Beispielen (s. den Übersicht Tabelle I).

Im zweiten Kapitel betrachtet d. V. dieselben Tatsachen in der südostlichen und zentralgruppen der daghestan. Sprachen, im dritten Kapitel—in nord-ostlichen und westlichen Gruppen der daghestan. Sprachen.

Das vierte Kapitel hat den Gebrauch des Genitivs der Personal—(Reflexiv-und Demonstrativ) pronomina als Possessiva in den daghestan. Sprachen (s. Übersicht Tab. II) zu seinem Gegenstand.

Kapitel V ist ein Versuch die beobachteten Tatsachen zu erklähren. D. V. versucht anfangs diese Tatsachen statisch zu erklähren, dann genetisch zu beleuchten. D. V. spricht die Vermutung aus, dass der Genitiv ursprünglich eine rudimentare, noch undeklinierbare Form des Adjektivs sei Die Überbleibsel dieser Entwisklungsetappe haben sich bis heute in tschetscheno-daghestan. Sprachen erhalten.

Von diesen Enwicklungsgrade sind noch Spuren der Synkretismus der Redeteilen in diesen Sprachen anzutreffen.

Der Genitiv druckt ursprünglich das Verhältnis des Erzeugers zum Erzeugten aus, in der Folgezeit ist dieser „Zeugungsfall" in „Besitzfall" umgewandelt.